

На вопросы редакции журнала «ЗАКОН» отвечает **кандидат юридических наук, доцент факультета права НИУ ВШЭ, академический руководитель магистерской программы «Цифровое право» Александр САВЕЛЬЕВ**

ПРИЗЫВЫ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ПИРАТСКИХ КОПИЙ НИ К ЧЕМУ ХОРОШЕМУ НЕ ПРИВЕДУТ

Работал в *IBM* Восточная Европа/Азия в 2008–2022 годах. Является специалистом в области права интеллектуальной собственности, регулирования персональных данных, цифрового права. С 2012 года преподает в НИУ ВШЭ, ведет курсы «Введение в современные информационные технологии для юристов», «Правовые аспекты обработки персональных данных в цифровой экономике», «Право электронной коммерции», «Право цифровых платформ».

— Сейчас все большую актуальность приобретает вопрос авторских прав на объекты, созданные с помощью искусственного интеллекта. Особенно в последние месяцы все обсуждают использование *ChatGPT*. Как Вы считаете, эта программа является прорывом в развитии ИИ?

— Действительно, сейчас все активно экспериментируют с *ChatGPT*. Но пока я бы не назвал ее прорывом в развитии. Главная причина хайпа вокруг нее в том, что этот ИИ¹ стал первым доступным для массового пользователя, для которого такая разработка выглядит как своего рода магия, да еще и с удобным интерфейсом для взаимодействия. Лежащие же в основе *ChatGPT* технологии были известны и использовались уже давно в других моделях ИИ. Просто в данном случае произошел переход количества

¹ Искусственный интеллект. — Прим. ред.

в новое качество: был использован очень большой объем данных для обучения, а также более сложные алгоритмы. В этом и сила, и слабость *ChatGPT*. В отличие от иных моделей ИИ вроде *IBM Watson*, где тщательно подходили к отбору источников для обучения ИИ и всякие чаты и форумы в Интернете в них не входили, *ChatGPT* обучена на множестве источников, в том числе сомнительного качества, и при этом в ряде случаев уже устаревших. В связи с этим в ее ответах иногда содержатся ошибки, но изложен текст достаточно авторитетно. Поэтому они и опасны, так как массовый пользователь будет верить ИИ и начнет их дальше тащить в другие сферы (чаты, статьи, материалы на веб-сайтах, научные работы), которые потом, в свою очередь, будут использоваться уже последующими поколениями *ChatGPT* для обучения. Подобная убедительная ложь, генерируемая *ChatGPT*, порождает повышенный запрос на качественные знания и критическое мышление, способные ее выявить. В противном случае нейросети грозит отрицательная обратная связь: если большая часть контента начнет генериться подобными сетями и некритически использоваться, то в какой-то момент все дружно будут искать стоп-кран красного цвета на велосипеде².

Поэтому общих восторгов на данном этапе по поводу использования этой программы я не испытываю, но потенциал у нее достаточно большой. И в перспективе она может, как Интернет в свое время, иметь огромное трансформирующее значение для общества.

— **Активное вовлечение ИИ в создание нематериальных объектов ставит вопрос о принадлежности авторских прав. Кому принадлежат авторские права в таких случаях? И как должен решаться вопрос с авторскими правами, если ИИ создает объект, аналогичный тому, который уже охраняется авторским правом?**

— Вопрос о правах ИИ на созданные объекты ИС³ очень старый: еще лет 30 с лишним назад в США об-

суждали этот вопрос, который в российской доктрине начали активно обсуждать в 2010-х годах. Здесь следует вернуться к общим вопросам: насколько произведения, созданные таким образом, могут быть охраноспособны и нужно ли что-то менять в действующем законодательстве на сей счет? Мне кажется, что существующие в законодательстве нормы могут вполне определенно ответить на этот вопрос и достаточно удовлетворительным образом. Результат, который претендует на охрану, должен быть создан творческим трудом автора. Если он создан нейросетью и особого творческого начала со стороны человека, который использовал ИИ, в нем нет (например, когда весь «вклад» пользователя в результат сводится к постановке перед ИИ общей задачи создать стихотворение в стиле Шекспира), то такой результат с точки зрения нынешнего авторского права не будет охраноспособен, поскольку в нем нет творческого элемента. Этот результат должен рассматриваться как общественное достояние. Но человек может преобразовать такой результат, например взять элементы, полученные с помощью ИИ и создать свое авторское произведение. Если человек *творчески* объединит результаты работы ИИ или переработает их, то результат может быть охраняемым, и здесь ничего принципиально нового для права нет — мы применяем классические конструкции.

— **Сейчас каждый что-то фотографирует, пишет, создается огромное множество объектов, претендующих на авторскую охрану. Вся ли эта масса объектов обладает признаками творчества, чтобы охраняться правом? Не нужен ли уже какой-то новый подход к критерию творчества?**

— Я думаю, что в авторском праве уже есть много наработок, пригодных, чтобы разобраться с этой проблемой. В свое время в зарубежном праве существовали более строгие подходы к творческому критерию. Например, Верховный суд Германии в свое время (в 1985 году) в качестве критерия охраноспособности компьютерной программы установил требование, чтобы ее исходный код явно превосходил уровень среднего программиста. Как следствие, в ЕС пришлось впоследствии принимать специальную директиву по вопросам защиты компьютерных программ, в которой данный критерий был снижен, чтобы не подорвать развитие

² Речь идет об известной ошибке *ChatGPT* 3.5, которая в ответ на запрос пользователя о том, какого цвета стоп-кран на велосипеде, отвечала, что «стоп-кран на велосипеде может быть разных цветов, в зависимости от производителя и модели велосипеда. Но чаще всего он бывает красного цвета».

³ Интеллектуальная собственность. — *Прим. ред.*

индустрии ПО. Верховный суд США в свое время сказал, что механическое объединение множества объектов (данных из телефонного справочника) в одно целое не порождает охраняемого объекта авторского права, когда при этом отсутствует какой-то творческий элемент со стороны автора, привнесенный в такую подборку. Если мы посмотрим Постановление Пленума ВС № 10⁴, то в нем говорится, что оригинальность и новизна сами по себе не являются критериями творчества. Тем самым Суд оставил определение позитивного содержания творчества на усмотрение судов, указав лишь, что такие критерии не должны пониматься упрощенно и сводиться лишь к новизне или оригинальности. Такой подход позволяет судам быть гибкими при рассмотрении вопроса в зависимости от ситуации и специфики объекта, и нет необходимости менять текст закона.

— Да, но если 10 человек сфотографируют одно и то же место в одно и то же время, то каждый из них сделает это самостоятельно, и результаты будут отличаться, но крайне незначительно. И что же? Все равно каждая такая фотография должна охраняться правом?

— Самое главное в творчестве — возможность выбора. Если у тебя был выбор сфотографировать с такого-то ракурса, с такой-то выдержкой, этим выбором ты проявляешь свое творчество, свое представление о прекрасном и этого достаточно, чтобы объект считался охраняемым. Если у тебя не было выбора, через который ты мог проявить свою индивидуальность, то и творческого элемента в результате тоже нет. При этом наличие выбора всегда связано с вариативностью результата. Получаемые результаты могут быть похожими, но не должны быть идентичными, на что намекает и Верховный Суд в упомянутом Постановлении Пленума № 10 (п. 95). Мне кажется, этот критерий, несмотря на огромное количество произведений, сохраняет свою актуальность. А то, что их много, — не повод, чтобы отрицать их охраноспособность, а повод к тому, чтобы активизировать процесс управления ими, в том числе с точки зрения фиксации этих прав в реестрах,

если автор планирует как-то коммерциализировать подобные результаты.

— Насколько государственная система учета в России сейчас отвечает потребностям защиты авторских прав? Почему не используются частные реестры?

— Частные реестры уже есть, и, думаю, самый продвинутый с технологической точки зрения, за которым будущее, это реестр, бывший изначально частным, он известен под наименованием *IPChain*⁵. С некоторых пор он приобрел экзотическую форму общероссийской общественно-государственной организации и наименование РЦИС.РФ⁶. Он предлагает регистрацию и учет объектов ИС на базе технологии распределенного реестра. В его создании участвовали Ассоциация *IPChain*, Фонд «Сколково», СИП, Роспатент, НИУ ВШЭ, Всероссийской организации интеллектуальной собственности и др. В этом реестре уже много участников и регистрируется достаточно большое количество объектов авторского и смежного права.

— Данный реестр имеет правовое значение с точки зрения защиты прав?

— Главное его назначение в том, что он фиксирует сведения об авторе (правообладателе) и временной приоритет авторского права. Технология распределенного реестра при этом позволяет устранить риски, связанные с манипуляцией этими данными «задним числом», повышая доверие к информации реестра. Инфраструктура сети РЦИС.РФ также дает возможность депонировать произведение целиком, создав его уникальный хеш-код, цифровой образ этого объекта, который в случае спора станет доказательством авторства.

— То есть это реестр только для объектов авторских и смежных прав?

— Не только. Поскольку Роспатент является участником сети РЦИС.РФ, сведения о зарегистрированных товарных знаках и патентах также отражаются в ней.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

⁵ Сайт реестра — <https://ipchain.ru/>.

⁶ Новый адрес — <https://рцис.рф/>.

— **Тогда можно предположить, что возможность использования частного реестра будет нормативно закреплена?**

— Мне кажется, что не нужно законодательно благословлять какой-то реестр, чтобы затем использовать данные из него в качестве доказательств. И без того можно будет использовать его в спорах. В качестве примера приведу материалы из интернет-архива *Wayback Machine*, позволяющие установить, как выглядел тот или иной веб-сайт в прошлом. Российские суды принимают эти материалы в качестве доказательства и без каких-то особых нормативных предписаний на сей счет.

Однако для того, чтобы частный реестр мог эффективно взаимодействовать с государственными реестрами прав на ИС, определенное нормативное регулирование пусть и не на уровне ГК РФ, но все же необходимо, и оно присутствует в отношении РЦИС.РФ

— **То есть регистрация в Роспатенте будет не нужна?**

— Смотря о какой регистрации идет речь. Если о регистрации программ ЭВМ и баз данных, то сейчас согласно ГК РФ она является добровольной и не является препятствием для использования иных доказательств в спорах о правах. Можно использовать и альтернативные реестры без необходимости внесения каких-то изменений в ГК РФ. Если речь идет о регистрации товарных знаков и объектов патентования, то регистрация в Роспатенте в силу ее правопорождающего характера и необходимости проверки соответствия регистрируемых объектов ряду критериев останется за Роспатентом. Другое дело, что соответствующие заявки могут подаваться через подобные реестры, интегрированные с реестрами Роспатента, с последующим дублированием информации оттуда в негосударственном реестре. При этом такой реестр может быть более удобен в использовании для участников оборота и будет предоставлять им дополнительные сервисы, например возможность управлять всеми существующими объектами ИС через личный кабинет или распоряжаться ими через специализированный сервис. Например, в составе инфраструктуры РЦИС.РФ существует специальная биржа для оборота прав на объекты

ИС (*IPEX*), учтенные в реестре, которая позволяет заключать лицензионные договоры с использованием конструктора договоров, автоматической фиксации в реестре факта предоставления права и оплаты с использованием платформы РЦИС.РФ, что дает возможность говорить о наличии элементов смарт-контрактов. Государство сейчас не может предоставить таких сервисов. Поэтому государственные и негосударственные реестры вполне могут сосуществовать, но будущее за их эффективной интеграцией друг с другом.

— **А с точки зрения соблюдения конвенций и выполнения всех процедур для защиты в других юрисдикциях регистрация в частных реестрах будет работать?**

— Для этого нет никаких препятствий. Сами международные договоры в этой части сформулированы в общем виде и точно ничего подобного не запрещают. А ГК РФ даже скорее создает условия для такого использования. В нем есть норма, согласно которой при предоставлении на территории РФ охраны производству в соответствии с международными договорами автор произведения или иной первоначальный правообладатель определяется по закону государства, на территории которого было создано произведение. Так что данные соответствующих иностранных реестров вполне будут кстати для доказывания этого факта.

— **Не кажется ли Вам, что код ПО не должен считаться объектом авторского права, поскольку это только инструмент для получения функционального результата? Как краски для написания картины.**

— Это очень объемная тема, имеющая давнюю историю. В США в 1970-х годах была создана специальная национальная комиссия, которая должна была определить правовой режим компьютерных программ. Многие говорили, что они должны иметь свой правовой режим. Даже в СССР некоторые ученые склонялись в пользу их особого статуса. Но вмешались прагматические соображения, и было принято решение, что существующие инструменты авторского права позволят более эффективно решить вопрос защиты прав на ПО. Основная причина возникновения сомнений в том, что программы должны защи-

щаться авторским правом, сводилась к тому, что компьютерная программа носит функциональный характер, что она ценна не столько тем, насколько у нее красивый код, сколько тем, что она делает. И это явно выраженное функциональное начало является причиной того, что она выбивается из ряда классических объектов авторского права. В ПО есть несколько охраняемых авторским правом элементов: исходный код, создаваемый программистом, объектный код, который «понимает» компьютер, и различного рода подготовительные материалы. Исходный код написан на языке программирования, который похож на человеческий, но более беден, в нем есть определенная семантика. И при написании этого кода проявляется тот самый творческий выбор программиста (какими «словами» написать ту или иную функцию), а это, в свою очередь, определяет работу программы. Это похоже на написание договора: ты можешь четко его структурировать и четко изложить обязательства, а можешь все смешать в кучу и превратить его содержание в кашу из противоречивых положений: и тот, и другой договор будут иметь юридическую силу, но второй применять будет сложнее и возникнут проблемы толкования. С компьютерной программой то же самое. От таланта программиста в написании кода зависит качество работы программы, поэтому мы должны признавать, что творческое начало в этом процессе есть, а то, что это в итоге связано с функциональным назначением, не влияет на охраноспособность объекта авторских прав. Можно сравнить программу с архитектурными проектами, в которых также нередко присутствует тесная связь эстетического и функционального назначения, что не мешает им признаваться объектами авторского права. Компьютерная программа в этом отношении, пожалуй, самый функциональный объект среди объектов авторского права (за исключением, наверное, компьютерных игр, где эстетическое начало еще может играть преобладающую роль для успеха). Однако, если в исходном коде присутствуют компоненты, продиктованные внешними обстоятельствами, например, существующими стандартами или воплощающие общепризнанные практики программирования, то они, конечно, не должны охраняться.

Таким образом, авторское право уже имеет в своем арсенале набор положений, позволяющих довольно эффективно обращаться и со старыми, и с новыми

объектами, которые появляются с развитием технологий. Вопрос в том, насколько судьи умеют с ними эффективно работать. На мой взгляд, стремление по каждому поводу закрепить какую-то конструкцию в законе (прописать свободные лицензии, регулирование *NFT* и т.п.) есть следствие того, что не в полной мере используется потенциал общих положений права, и правоприменителям хочется иметь готовую норму на каждый случай, чтобы не брать на себя лишнюю ответственность.

— У нас есть экспертные центры, которые определяют, обладает ли объект ИС признаками охраноспособности. Сейчас это СИП и Роспатент. Достаточно ли их для защиты прав увеличивающейся массы объектов ИС?

— Я бы не согласился со столь узким подходом. У нас много разных видов объектов ИС. Например, по тем же объектам авторских и смежных прав споры могут рассматриваться и в судах общей юрисдикции, и в арбитражных судах, и далеко не каждый спор доходит до СИП, поэтому здесь экспертиза и оценка критериев охраноспособности достаточно распределенные.

— А в отношении товарных знаков и патентов?

— Споры по ним тоже проходят первую и вторую инстанцию прежде, чем дойти до СИП. Получается, что центров принятия решений и здесь немало. Что же касается объектов патентного права, то в отношении них ряд правопорядков идет, как правило, по пути выделения специализированного органа для рассмотрения споров. И это в целом оправданно, поскольку это очень специфическая сфера и возлагать на общие суды столь сложные вопросы с необходимостью проведения множественных экспертиз и применения технических критериев означало бы обрекать подобные дела на некачественное рассмотрение и большой разбой решений. Это было бы хуже для защиты правообладателей, чем наличие специализированных центров, у которых набита рука и широкая практика. Данный подход обеспечивает и предсказуемость правоприменения, на которую могут рассчитывать участники этих отношений.

— В какой юрисдикции, на Ваш взгляд, интеллектуальные права защищаются образцово

и кому нам следовало бы подражать, у кого учиться?

— Мне кажется, что когда мы сравниваем себя с другими юрисдикциями, с теми же США, то видим очень фрагментарную картину по ту сторону океана. Я более чем уверен, что в отдельных штатах и в отношении определенного вида объектов тоже не так рьяно относятся к соблюдению авторских прав и далеко не все споры доходят до судов, а если доходят, то получают судебное решение, достойное упоминания в учебниках по ИС. Не думаю, что тотальная защита ИС в принципе достижима в какой бы то ни было юрисдикции. На мой взгляд, судить о порядке в части эффективности защиты ИС надо по тому, насколько развита судебная практика по различным вопросам, связанным с созданием и коммерциализацией объектов ИС. Чем больше разнообразной судебной практики по этой тематике, тем более он развит. Если в судебной практике доминируют в основном дела, связанные с контрафактом и пиратством, то, скорее всего, данный порядок рассматривается в основном как рынок сбыта для объектов ИС, а не место для их создания.

И здесь если сравнивать российскую, американскую и европейскую судебную практику, по ряду параметров мы отстаем, например, в части практики, связанной с защитой отдельных элементов компьютерных программ, или в части крупных патентных споров. Но это не вина СИП, суд — это всего лишь зеркало гражданского оборота. Если не возникает споров или они не доходят до СИП, то и практика не формируется. Знаковых споров и судебных решений, например, связанных с ИТ-сферой, достаточно в тех юрисдикциях, где сосредоточены ключевые ИТ-компании и сталкиваются их интересы. Они вынуждены судиться, так как работают на огромном рынке с точки зрения его капитализации и цена подобного спора высока. Поэтому там можно увидеть совершенно разные споры: по охраноспособности пользовательских интерфейсов, прикладных программных интерфейсов, патентов, воплощенных в массовых продуктах. У нас же практически нет споров по патентам не потому, что у нас не умеют изобретать, а потому что у нас уже долгое время для них отсутствуют ключевые предпосылки. Когда я еще работал в *IBM*, в которой сложилась серьезная культура патентования (количество патентов — это

привлекательный *KPI* для инвесторов), вставал вопрос необходимости патентования ее изобретений и в России, но, поскольку Россия не рассматривалась компанией как крупный рынок с мощными конкурентоспособными отечественными производителями (с иностранными конкурентами можно договориться за пределами РФ) либо рынок с большими перспективами на размещение в нем производственных мощностей, затраты на патентование не рассматривались как обоснованные. Схожим образом рассуждали и многие другие крупные иностранные компании. В итоге большое число западных компаний не патентовали здесь ничего, а российские компании, даже если патентовали, — скорее для каких-то маркетинговых или *PR*-целей. Не удивительно, что в России не сложилось развитого рынка патентов. Естественно, значительного количества споров, связанных с лицензионными договорами и защитой патентов от нарушений, не могло возникнуть. Ни СИП, ни Роспатент в этом не виноваты. Так сложилось, и вряд ли в обозримом будущем это поменяется.

— Споры по программному обеспечению тоже не будут?

— Наоборот, будут, и очень много: сейчас программное обеспечение лежит в основе всех современных технологий и конкурентных преимуществ. В условиях обостряющейся конкуренции между отечественными разработчиками неизбежно возникновение споров в этой области. А вот насколько такие споры будут способствовать развитию индустрии, на мой взгляд, будет сильно зависеть от СИП. Я думаю, у СИП сейчас лучшая экспертиза по вопросам, связанным с разработкой и оборотом компьютерных программ, из всех государственных органов, даже лучше, чем у Минцифры России, которое в своей нормотворческой деятельности ориентировано на публично-правовые вопросы. Полагаю, что много споров в ближайшее время может возникнуть по поводу внедрения открытого исходного кода (*open source*) при разработке собственных программных продуктов. Его чрезмерно активное использование некоторыми организациями для пополнения реестра отечественного ПО уже создает проблемы для добросовестных отечественных разработчиков. Например, одна компания может оплачивать штат программистов, тратить иные ресурсы на создание программы, а другая может взять готовый продукт,

распространяемый с открытым исходным кодом, внести в него незначительные изменения и выдать за свой. Если такая практика не будет пресекаться судами, это больно ударит по добросовестным отечественным разработчикам.

— Как влияют иностранные санкции на использование ИС? Как бы Вы оценили призывы к использованию пиратских версий?

— Призывы к использованию пиратской ИС могут иметь далеко идущие негативные последствия. Представим, например, что у нас разрешат скачивать и использовать пиратские версии *Windows*, *Office* и другой подобный иностранный софт, а зачем нам тогда отечественное ПО? Как быть с теми компаниями, которые уже вложились и делают отечественные аналоги иностранных программных решений? Зачем платить российским разработчикам за то, что в устоявшемся восприятии, восхваляющем импортное, является худшим вариантом? Так что легализация пиратства прежде всего ударит по отечественным разработчикам и всей программе импортозамещения. В нынешних условиях особенно остро возникает и проблема национальной безопасности, поскольку пиратское ПО надо будет обновлять. Но где гарантия, что с этим очередным обновлением не получишь какую-то уязвимость? Легализация пиратства иностранного ПО фактически означает продолжение использования иностранного ПО еще и без возможности предъявления каких-либо претензий его разработчикам. Кроме того, если мы будем вводить подобные меры в отношении иностранного софта, то это неизбежно повлечет зеркальные меры в отношении наших правообладателей в иностранных юрисдикциях и дополнительные обвинения в нарушении международных соглашений, которые мы должны соблюдать, если не принято решение об их денонсации.

— Скоро исполняется 10 лет с момента начала работы СИП. Это круглая дата. И каковы же итоги? Что удалось и что не получилось? Какова вообще Ваша оценка судебной практики в области ИС? Какие важные тенденции — благоприятные или не очень — Вы хотели бы отметить?

— Как говорится, если долго мучиться, что-нибудь получится. За 10 лет существования СИП квали-

фикация судей этого суда по вопросам ИС стала на порядок выше, чем у обычных судей. Значит, наличие подобного суда — позитивное явление в правовом поле. И то, что не удалось получить интересную судебную практику по многим животрепещущим вопросам, не столько недоработка СИП, сколько проблема того, что у него не было возможности ее выработать в отсутствие запросов «снизу». Например, было бы интересно посмотреть, как бы решил СИП спор по делу со схожей фабулой, как в известном деле Мамичева, связанному с охраноспособностью составных (производных) произведений⁷, которое в результате рассмотрел КС РФ, и весьма спорным образом. Я думаю, что у СИП была бы более подробная и изящная аргументация, чем у судов общей юрисдикции, которые его рассматривали. Может быть, и до КС РФ бы в итоге дело не дошло. Но надеюсь, рано или поздно и в СИП попадут дела с подобной фабулой. Также очень позитивно то, что при СИП есть достаточно открытый научно-консультативный совет, который позволяет поддерживать связь и с наукой, и с практикой. Кроме того, СИП весьма прогрессивен с точки зрения используемых доказательств. Он стал одним из первых активно использовать материалы интернет-архивов в качестве доказательств. То есть на данный момент СИП — это один из передовых судов в нашей судебной системе в плане способности к сбалансированному рассмотрению споров с учетом особенностей технологий. Не идеальный, но передовой.

— Сейчас появилось много споров, связанных с защитой прав на ИС, отдельные компании специализируются на взыскании убытков и компенсаций с нарушителей. Суммы компенсаций часто весьма значительные, особенно когда нарушителями авторских прав выступают представители малого бизнеса. Нет ли злоупотреблений в таких случаях со стороны правообладателей?

— Нет худа без добра: подобные компании выполняют в некоторой степени воспитательную функцию. Если нарушение есть, то оно есть, независимо от того, кто нарушил. А размер взыскиваемой компенсации — это вопрос судейского усмотрения. ГК РФ дает очень большую область действия судам, по-

⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 16.06.2022 № 25-П.

этому они вполне могут направить то, что при иных условиях могло бы рассматриваться как злоупотребление, в созидательное русло, например, констатируя нарушение и применив гуманный размер санкции. Со временем понимание недопустимости таких нарушений проникнет в правосознание пользователей и практикующих юристов и будет восприниматься как само собой разумеющееся.

— **Кого Вы посоветовали бы читать тем, кто хочет лучше разобраться в хитросплетениях этой сферы и понять ее общие принципы?**

— Я прежде всего своим студентам рекомендую читать сами тексты судебных решений, особенно зарубежных, поскольку они пишутся очень подробно, в них излагается существующее на момент рассмотрения спора состояние законодательства,

судебной практики, иногда даже доктрина и техническая сторона спора. По сути, это практически качественная статья или книга, только она не является мнением отдельно взятого автора (который нередко подгоняет аргументацию под свое мнение), а представляет собой более выверенную и сбалансированную позицию. Что касается доктрины, здесь я в основном читаю литературу, посвященную вопросам использования ИС в сфере информационных технологий. К числу моих любимых авторов относятся Рэймонд Ниммер (*Raymond Nimmer*), Марк Лемли (*Mark Lemley*), Памела Самуэльсон (*Pamela Samuelson*). Какие бы у нас ни были отношения сейчас с западным миром, мы не должны вычеркивать его достижения, в том числе в юридической науке, если мы хотим создать что-то действительно свое, а не бледное подобие того, что уже когда-то было создано.⁹